

Юлия Макарова

Дарёнкино счастье

Сборник рассказов

16+

Юлия Макарова
Дарёнкино счастье.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23985175

SelfPub; 2023

Аннотация

Сборник рассказов о любви, о чудесах, что порой случаются в нашей жизни.

Юлия Макарова

Дарёнкино счастье.

Сборник рассказов

В ночь на Рождество

Длинные новогодние каникулы перевалили, наконец, за середину. Горы прошлогодних салатов были частично съедены, частично скормлены мусорным бакам. С выпивкой у всех дела обстояли по-разному, одно было точно – ею мусорные контейнеры не угощали.

Страна плавно приблизилась к ещё одному рубежу – встрече Рождества Христова. Истинно верующие готовились к этому светлому празднику по всем правилам. В самую праздничную ночь к ним собирались присоединиться ещё многие и многие. Те же, кто не относился ни к первой части, ни ко второй, снова пополняли запасы спиртного и строгали салаты. Что ни говори – отметить-то полагается по-людски – великий всё же праздник...

Трое друзей: Ваня, Игорь и Саша волею судеб объединились в предпраздничный день, совершенно случайно встретившись в супермаркете. Они не виделись довольно давно, и теперь им было о чём поговорить. Когда-то они все жили в одном дворе, ходили в одну школу, правда, в разные клас-

сы, так как были погодками. Мальчишки дружили с раннего детства до той поры, когда один за другим были призваны на службу в армию. Потом их пути-дороги разошлись. Иван собирался ни сегодня-завтра жениться. Игорь, наоборот, уже будучи женатым, шёл к разводу. Сашка, как самый младший, был пока одинок, менял девчонок, как перчатки, и, к сожалению, начал привыкать к разгульной жизни.

Сегодня звёзды сложились так, что, неожиданно встретившись и обменявшись краткой информацией о себе, парни вдруг обнаружили, что жажда общения у них не иссякла. И в предстоящий вечер (а попутно и ночь, и весь следующий день) они совершенно свободны. Почему бы не пообщаться поплотнее?

Сказано – сделано. Ваня вдруг вспомнил, что у него даже есть место, где они могут не то что наговориться вволю, но и испытать немного экзотики – в паре часов езды от города, в небольшой деревне оставался пустой, но добротный дом его прадеда и прабабки.

Собраться в столь спонтанное путешествие было несложно. Запасшись провиантом в этом же магазине, друзья разъехались по домам, чтобы как следует экипироваться, то есть прихватить тёплые вещи и спальные принадлежности.

Спустя пару часов Ваня загрузил в свой внедорожник вещи и Сашку с Игорем, и весёлая компания помчалась в деревню.

Зимний день короток. Когда они подъехали в искомому

дому, на часах было около шести часов вечера, а на улице темень... про такую в народе говорят – глаз коли.

В городе даже ночью было светло, как днём, да и звуков разных было хоть отбавляй. Здесь же, в деревне, едва парни вышли из машины, их, помимо темноты, поразила звенящая тишина. Крепкий, по-настоящему рождественский мороз. Горы свежайшего чистейшего снега, звонкий его хруст под ногами. Одинокий фонарь где-то в другом конце деревни. И – полное беззвучие и безмолвие.

– Это что, тут, что ли? – спросил Игорь, пытаясь взглянуть-ся в темноту.

– Слушай, а мы точно туда приехали? – присоединился к нему Сашка.

– Туда-туда! – подтвердил Ваня, выволакивая из машины тяжёлую сумку, в которой что-то предательски булькнуло. – Вон дом.

Парни синхронно повернули головы в ту сторону, куда кивал Иван. Там темнота была ещё гуще, и в её очертаниях смутно угадывалось какое-то строение.

– А у вас тут, что, вся деревня нежилая? – снова подал голос Сашка.

– Да нет, зимой вроде в двух или трёх домах постоянно живут. Вон там, где фонарь горит. А на лето обычно много дачников приезжает.

– Во, блин, никогда бы не подумал, что вроде и не так далеко, а глухомань, как в тайге! – удивился Сашка, истинно

городской житель в третьем поколении.

– Что, трухнули малость? – усмехнулся Ваня. – Ладно, не бойтесь! Привёз я вас куда надо. И дом нормальный. Родители мои каждое лето сюда на пару недель в отпуск приезжают. Так что в доме чисто. Холодно только, лежанку топить долго придётся, но я вас предупреждал! Шмотки тёплые, я надеюсь, вы не забыли?

– Да вроде нет...

– Вот и давайте, берите свои котули, и потопали к крыльцу. Снегу нынче много, так что не обессудьте, тропинку придется самим топтать, нас тут никто не ждал.

– Блин, тут темень, как в гробу! А в доме-то хоть свет есть? – запоздало обеспокоился Санька.

– Есть. Только пробки вкрутить надо, мои их выкручивают, от греха, так сказать.

Наконец парни вытащили из машины весь свой скарб, и Иван, на правах хозяина, первым ступил в огромный сугроб перед домом.

Сашка не только был младше друзей, но и по натуре своей был более лёгким и говорливым. Вот и сейчас, прежде чем идти следом за Ваней, он задрал голову, и выдохнул восхищённо:

– Мама моя, а какие тут звёзды-то! Обалдеть, красотища! Слышь, Игорях, ты только погляди! Я таких сроду не видел!

– Где бы ты их в вонючем городе увидел бы? – проворчал Игорь, взваливая на плечо увесистую сумку. – Ладно, пошли,

а то наш Сусанин уже вон куда утопал.

Сашка подхватил свой груз и послушно двинулся следом за друзьями. «Двигаться следом» означало высоко задира́ть ноги и опускать их в глубокие провалы в снегу, которые оставил за собой шедший впереди Ваня. Ухнув при первых же шагах, что называется «по самое «не хочу»», Сашка не удержался и сел на снег. Снова задрал голову, любуясь звёздами. Восхищённый природной красотой, он пробормотал себе под нос: «Надо ведь, сколько лет на свете живу, а такой красотищи ни разу не видал!» – поцокал языком и снова встал на ноги: – «А снегу-то, снегу-то сколько!»

Иван и Игорь уже добрались до входной двери. Хозяин колдовал с огромным замком, Игорь подсвечивал ему сотовым телефоном. Замок сильно «схватился» на морозе и открываться сразу не пожелал. Игорь вспомнил детство и шептал: «Сезам, откройся!», Ваня помогал себе лёгким матерком.

Пробираясь вдоль забора, Сашка в какой-то момент повернул голову и заметил в окне соседского дома неяркий свет, какой обычно можно увидеть при включенном телевизоре.

– А ты говоришь, что тут никого нет, – заявил он Ивану, добравшись до двери. – Вон, у соседей телек работает.

– Какой ещё телек! – фыркнул тот. – В этом доме хозяева уже сто лет не объявлялись.

– Да ты что! – возмутился Сашка. – Я, по-твоему, идиот,

что ли?!

– Может так, просто показалось, – миролюбиво сказал Иван, открыв, наконец, замок. – Парам-парам! Заходите, гости дорогие! Но поаккуратней, морду лица не разбейте, тут ступеньки.

Обиженный Санька затормозил у двери.

– Да ничего мне не показалось! Я же ещё трезвый!

– Это у тебя от свежего воздуха «глюки», Санёк! Забей. Заходи лучше в дом. – Позвал его Игорь.

Открыв ещё один замок, друзья попали, наконец, в избу. Игорь, бывший, как и Сашка, стопроцентным горожанином, с любопытством осматривался. Младший приятель не просто осматривался, он перебегал из угла в угол, всё разглядывал, что-то щупал руками и восхищённо повторял:

– Ну, блин, музей! Честное слово – музей!

Особого внимания и Игоря, и Саши удостоилась русская печь, занимавшая огромную площадь в небольшой избе. Ваня сразу же заявил, что управляться с нею он не умеет, и потому топить они будут только «лежанку» – небольшую печку в противоположной стороне от матушки-«русской». На правах хозяина он отдал распоряжение гостям располагаться, а сам отправился куда-то (как он выразился «на мост») за дровами.

Сашка тут же пристал с вопросами, что это за «мост» такой, где он находится и почему там должны быть дрова. Получив краткое объяснение, что «мост» – это большой холод-

ный отсек при входе в дом, где хранятся не только небольшое количество дров (чтобы не бегать каждый раз к поленнице), а и прочие нужные по хозяйству штуки, Санька удовлетворенно кивнул и занялся, наконец, своей сумкой.

Холод в избе стоял прямо могильный. Казалось, что даже на улице, где царствовал двадцати пятиградусный мороз, было теплее. Раздеваться друзьям Иван категорически запретил. Вернувшись с охапкой дров, он довольно ловко затопил печку. Парни к этому времени уже достали бутылку водки и нарезали толстыми ломтями вареную колбасу и чёрный хлеб.

Под весёлый треск огня выпили по первой и закусили. Спиртное прокатилось по желудкам ледяным комком, не спеша согреть начинавших замерзать парней.

– Да-а, видела бы меня сейчас моя маманя! – улыбнулся Сашка.

Игорь и Ваня понимающе кивнули. Родитель Саньки несколько лет назад занялся торговлей, семейство довольно быстро стало обладателем достатка «выше среднего». Мать Сашки, прожившая большую часть жизни в режиме экономии, в один миг порвала с прошлым и записалась в светские львицы. Она не была стервозна, но отчаянно «косила» под всех этих дамочек из глянцевого журналов. И, если бы увидела сейчас своего сынка в намертво промороженной избе в почти заброшенной деревне, одетого, как на Северный полюс, сидящего на старинной деревянной табуретке с не ме-

нее старинным бокалом в руке и огромным бутербродом в другой, то... Что именно было бы, парни представляли плохо, но вот визгу было бы!!!

Кстати, насчет бокалов. Посуду Иван пообещал им местную, но, мол, особо брезгливые могут прихватить что-то из дома по своему усмотрению. Особо брезгливых не нашлось, но, прежде чем разлить водку, Игорь с подозрением заглянул в толстостенные бокалы.

– Их, что, мыть не надо?

– А чем? – миролюбиво поинтересовался Ваня. – Воды-то я только пятилитровую канистру взял, чтобы самим попить. Лично я на колодец до утра не пойду. Да они чистые, мать всё перемыла перед отъездом и в пакеты убрала. Хочешь, протри салфеткой.

Но посуда и впрямь оказалась чистой, хоть и совсем не новой. Парням вдруг вспомнилось детство и детсадовские обеды – там в похожей таре давали питье: кисели, чай, молоко или даже какао...

– Слушай, а у вас тут вроде и пыли-то нет? – заметил Сашка, проводя рукой по столу, прежде чем пристроить на него свой локоть в дорогой куртке.

– А кому тут пылить? – пожал плечами Ваня, жуя громоздкий бутерброд.

– Тут вообще полная дезинфекция – на таком холоде вся зараза сохнет, – пошутил Игорь.

– Эт-то точно, – клацнул зубами Санька и покосился на

ледяной айсберг русской печи, – эх, её бы сейчас раскопчегарить! Во теплота-то была бы!

– Говорю же, что не умею! У меня только батя с нею на «ты». Мамка и та не знает с какого боку к ней подойти. Но потерпите немного, лежанка, она хоть и маленькая, но тоже греет нормально. Скоро тепло будет. Жары не обещаю, промёрзло всё, но куртки точно снимем.

– Хочется надеяться, а то нам водки не хватит, – кивнул Игорь, разливая по второй.

Хозяин не обманул – вскоре от печки пошло долгожданное тепло. Да и принятое спиртное развернулось, наконец, в желудках, начало греть изнутри. Через некоторое время парни сняли куртки и начали распаковывать сумки, чтобы приготовить себе места для ночлега. Потом вернулись к стоявшему в простенке между окон столу и сервировали уже настоящее пиршество – праздник всё-таки.

Угомонились далеко за полночь. Сашка и Игорь заснули сразу же, едва приняли горизонтальное положение. Иван прибрал маленько на столе, поправил на тумбочке для телевизора вышитую ещё бабушкой салфетку. Телевизор родители обычно привозили с собой, а потом увозили обратно – надолго оставлять хорошие вещи в доме без присмотра было чревато.

Взгляд Ивана остановился на висевших на стене фотографиях. Большая самодельная рамка из дерева, под стеклом –

поблекшие от времени снимки. Знакомые с детства лица: вот дяди и тёти – отцовы братья и сёстры – ещё совсем маленькие. Застыли, смотрят испуганно в объектив. Тогда дети не приучены были сниматься... Двоих – брата и сестры – уже нет в живых...

Вот какие-то дальние родственники, их Ваня отродясь не видел и как зовут не помнил. Много снимков всякой малышни – продолжателей рода у его предков набралось немало. Сашка, увидев такой семейный архив, долго удивлялся.

А вот единственный снимок прабабушки и прадедушки Ивана, сделанный сразу после войны. Странно – и раньше, и теперь, глядя на эту фотографию, думается только об одном – что лица у людей тогда были совсем другими. Серьёзными, сосредоточенными. Возникало такое ощущение, что они все знают что-то такое, что тебе неизвестно. А может это потому, что они смотрят ОТТУДА, из прошлого? Они видят наш мир, видят нас... Может, и мы когда-нибудь будем смотреть на своих потомков странными взглядами? Хотя... нет, это, пожалуй, вряд ли – нынешняя аппаратура привила нам всем привычки не распечатывать снимки, а хранить их в недрах компьютерной и прочей технической памяти. А оттуда не больно-то посмотришь на потомков. Флэшка или чип какой-нибудь – это вам не стенка...

Ваня грустно вздохнул. «Надо же, как меня на сентиментальность потянуло. Согрелся, блин, водочка, опять же, заиграла...». Он покосился на сладко сопящих друзей. Надо и

самому ложиться, пока тепло. К утру лежанка остынет, изба выстынет так, что из-под одеяла будет носа не высунуть.

Иван глянул мельком в окно. Отвернулся было... и вдруг замер. Окно выходило в сторону соседского дома, того самого, покинутого хозяевами много лет назад. В доме... неярким светом горел экран телевизора...

Иван глянул ещё раз. Потом отвернулся и потряс головой, прогоняя наваждение. Для верности даже сильно зажмурился. Открыл глаза, медленно повернул голову. Света в соседском окне не было. Ваня постоял, вглядываясь в темноту. Ничего даже похожего на какие-либо отблески огня больше не было.

«Во, блин, надо же! Привидится ерунда всякая! А ещё над Санькой смеялся – «глюки, глюки»! У самого «глюки»! Кто же там может быть, когда тыщу лет дом пустует!» Он бросил ещё один взгляд на дом. Тёмная громада соседской избы безжизненно чернела за окном. До самой середины двери громоздился девственно чистый сугроб...

Иван проснулся от лёгкого стука в дверь. Сначала думал, что ему это приснилось или просто почудилось. Но стук повторился. «Ну, всё, приплыли!» – подумал Ваня, – «Теперь ещё и звуки начнут мерещиться!» На всякий случай он приподнялся и посмотрел на друзей. Те продолжали крепко спать, совсем никак не реагируя на звук. Санька, причём, ещё и весьма громко похрапывал.

«Может, это на улице что-нибудь оторвалось и по двери брякает?» – попытался найти оправдание непонятным звукам Иван. И, словно прочитав его мысли, раздался осторожный стук в окно. «Да, блин, кто ещё там!» – разозлился хозяин дома и сел на кровати. Неужели это кто-то из стариков-аборигенов заприметил их машину и решил проверить, кто явился в обычно закрытый дом? Ну, даже если и так, то, что, до утра подождать нельзя было, что ли?!

Злость придала Ване сил. Он решительно встал с дивана, накинул на плечи куртку и, вышел на «мост». Огромный железный крюк, на который была закрыта входная дверь, был на прежнем месте и внушал уважение.

Иван постоял, прислушиваясь. За дверью было тихо. Может все же почудилось?

Он зябко повел плечами, собираясь вернуться в избу, но стук повторился.

– Э, кто там? – негромко спросил Ваня.

Ответом снова была тишина.

Еще немного подождав, Иван только собрался вернуться в избу, как с улицы тихонько постучали. Решительно махнув через все ступеньки, парень очутился у двери.

– Кто там? Чего надо?! – рявкнул решительно.

В ответ в дверь тихонько поскреблись.

Подняв голову, Иван заметил на стене старинный серп. Он висел довольно высоко и, видимо поэтому, отец до сих пор не припрятал его. В глаза он не бросался, никому не мешал,

да и у барыг, наверное, особым спросом не пользовался – это тебе не телевизор и не старинный самовар.

Вооружившись на всякий случай серпом, Иван откинул тяжеленный крюк от двери, но встал так, чтобы суметь ментально вернуть его обратно. Силой его, слава богу, природа не обделила. «Справлюсь как-нибудь» – решил молодой человек и приоткрыл дверь.

Дом прадед строил на совесть – дверь была довольно тяжелой, не распахнулась настежь, а медленно приоткрылась.

То, что увидел за нею Ваня, повергло его в шок. Он чуть не выпустил из рук ручку серпа. В слабом свете маломощной лампочки перед ним стояла нищенка. Маленького роста, в какой-то невозможно изношенной шубейке, (хотя, нет, даже не шубейке, Иван вдруг вспомнил, что видел когда-то такую у прабабушки, только чистую и блестящую, и она называла её «плюшкой») в старом коричневом платке.

Взгляд Ивана медленно скользил по нищенке сверху вниз и обратно. Не в силах сразу понять кто перед ним, и откуда это чудо взялось, парень растерянно разглядывал странную гостью.

Это была женщина. Маленькая, даже очень маленькая, среднего телосложения, одетая в непривычную нашему взгляду одежду. Но самым главным кошмаром была её обувь! На ногах нищенки виднелись огромного размера совершенно дырявые мужские ботинки. Боже мой, да как она шла-то в них!

Иван открыл от изумления рот и уставился на гостью. Из-под низко надвинутого на лоб платка выбивалась длинная седая прядь. Лицо женщины изборозжено глубокими морщинами. Сухие губы были плотно сжаты в молчании.

А ещё... на Ивана смотрели такие добрые, такие пронзительно чистые глаза, что он не испытал ни малейшего отвращения от её весьма и весьма непрезентабельного вида.

Нищенка молчала. Только в какой-то момент тяжело переступила с ноги на ногу. Взгляд Ивана невольно уперся в её раздолбаную обувь.

– Ой, бабушка! – охнул Иван и попятился. – Да проходите же, не стойте!

Глянув на всякий случай нищенке за спину (а вдруг она не одна, и не так уж доверительно надо к ней относиться?), Иван раскрыл дверь пошире и сделал знак рукой, приглашая её пройти.

Старушка ещё раз взглянула на него и так же молча вошла.

Иван быстро закрыл дверь и вернул крюк на место. Спohватился, что всё ещё держит в руках серп, и пристроил его туда, откуда взял.

Оказавшись в избе, Ваня включил свет, метнулся к печке, пощупал её бока. Лежанка была тёплая. Он поставил к ней поближе табуретку, усадил на неё гостью. Игорь с Сашкой продолжали мирно спать.

– Вы меня слышите? – спросил он у старушки. Та молча

смотрела на него. – Вы меня слышите?

Старушка некоторое время сидела неподвижно, и Ивану даже начало казаться, что она его просто не слышит. Он повторил вопрос громче, стараясь шевелить губами как можно понятнее, ведь если она глухая, то, возможно, умеет читать по губам.

Бабулька то ли услышала наконец, то ли действительно поняла по губам, но утвердительно покивала головой. Про то, что она сильно замерзла можно и не спрашивать – глядя на её «суперобувь» и так было понятно, что ноги у неё здорово провентилировались. Одежда гостьи при свете оказалась вполне чистой, но очень поношенной. Странно, где она вообще такие вещички взяла, подобных нарядов уже давно никто не носит. Взгляд Ивана остановился на её ногах. Не отморозила она хоть их?

Саша и Игорь проснулись почти одновременно. Игорь просто открыл глаза и сел на кровати, Санька же посмотрел на сидевшую возле печки старушку и захныкал, как маленький ребёнок:

– Хы-хы-хы... блин, Ванька... я так и знал... экзотика-а-а... Может хватит на сегодня? Чего ты ещё удумал?! Это кто?!

– Не ной. Вставай давай, ты же у нас вроде в медицинском учился! – приказным тоном заявил Иван. – Тут, кажется, по твоей части.

– И что?! Какой медицинский?! – возмутился Сашка. – Я

же со второго курса ушёл! И вообще я не на лечебном был, а на педиатрии!

– Какая разница! Человек – он и есть человек. Посмотри, что к чему. А из института ты по собственной дурости ушёл, меньше надо было гулять. У тебя же получалось, – заявил другу Иван и сказал Игорю: – А ты сделай пока пару бутербродов, она наверняка голодная.

– А если она давно не ела? Ей худо не будет? – спросил Игорь.

– Ну сделай пока один. И чай вскипяти.

Игорь послушно отправился на маленькую кухонку, загремел там привезёнными Иваном электрическим чайником и канистрой с водой.

– Не, Вань, ты мне скажи – в чём тут прикол? Где ты её взял? – задавал вопросы Сашка, вылезая из-под одеяла. – Игорь, а ты тоже в курсе сценария? – поинтересовался он в сторону кухни.

– Ничего я не в курсе! – проворчал Игорь из-за перегородки.

Иван рассказал про разбудивший его стук в дверь и окно. Некоторое время все молчали. Игорь принёс свежесваренный чай и бутерброд с колбасой и сыром. Пригласили гостью за стол, но она отрицательно мотнула головой. Тогда они поставили перед старушкой ещё одну табуретку, и устроили на ней бокал и тарелку с бутербродом.

– Переобуть бы её... – Парни с подозрением смотрели на

дырявые ботинки. – Вань, у тебя тут ничего не завалялось подходящего?

Иван полез под кровати – там, бывает, стоят какие-нибудь коробки с добром. Ничего. Заглянул в старенький диван. Тут повезло не на много больше – нашлись галоши, тоже древние, но целые. С сомнением покрутив их в руках, Иван вернул добычу на место. Потом полез на печку. И выглянул из-за занавески счастливый – здесь обнаружился целый клад – старые, но добротные валенки, причём как раз на женскую ногу.

Прикинули – галоши налезли на валенки, а валенки подошли гостье. Сашка подумал и, стянув с себя толстые шерстяные носки, добавил их «до кучи». Ноги у неё, к счастью, были не отморожены.

Бабулька неспеша пила горячий чай и жевала бутерброд. Парни уселись напротив неё на кровать, где до этого спал Сашка. Все молчали. Хотя и без слов было понятно, что думы у всех одинаковые – кто такая их гостья, откуда она взялась и что с ней дальше делать?

Решение на последний вопрос подсказала сама старушка. Подкрепившись, она решительно отказалась от второй порции, и почти тут же стала задрёмывать. Оно и понятно – согревшегося и насытившегося человека всегда тянет в сон. Тут уж друзья не стали мудрить – предложили ей на выбор спальное место. Бабушка, так и не проронив ни слова, пыталась устроиться на широкой лавке возле русской печи, но

они втроём её отговорили, мотивируя это тем, что печь не топлена, да и дверь рядом, будет холодно. Тогда она предпочла низенький диванчик, где спал Ваня, но жестами попросила снять с него постель. Пришлось выполнить пожелание, но Иван выдал ей ещё одну подушку и одеяло (этого добра в двухстворчатом шкафу было навалом). Сам он, потеснив Игоря, улегся на большой высокой кровати с блестящими шариками на спинке.

Гостья устроилась на диване прямо в одежде и сразу же уснула. Через некоторое время задремали и парни.

Сон Ивана был неглубоким, и потому, услышав какой-то шорох, он тут же открыл глаза. Звук шёл со стороны дивана. Он чуть слышно скрипнул, потом вслед скрипу пискнули потревоженные половицы. Нашарив под подушкой сотовый телефон, Иван нажал на кнопку. Свет вспыхнувшего экрана осветил избу и стоявшую уже у порога гостью.

– Э! Куда вы? – окликнул он бабушку, толкая Игоря в бок. Моментально проснувшиеся Игорь и Сашка успели только поднять головы от подушек, как за ней уже захлопнулась дверь.

Парни вскочили и бросились следом, но... Выбежав на «мост», они увидели только качающийся, как маятник, тяжёлый крюк, закрывавший до этого входную дверь.

Все были без обуви, без верхней одежды, пришлось возвращаться в избу, чтобы одеться. Ваня с Игорем бросились назад, а Сашка, успевший каким-то чудом занырнуть в бо-

тинки, всё же выскочил на улицу.

Когда буквально через несколько секунд наспех одетые и обутые Игорь и Иван пулей вылетели за ним следом, то чуть не уронили застывшего на месте друга. Сашка, сделав буквально несколько шагов от двери, застыл, как изваяние. Накинув ему на плечи куртку, парни, не понимая, смотрели на него.

– Чего?! Где она?!

– Смотрите... – Сашка потыкал пальцем куда-то под ноги. Иван с Игорём непонимающе уставились на снег.

– И чего?! Бабулёк-то где?!

Но Сашка продолжал указывать им вниз.

– Не знаю я, где она. Я не видел. Смотрите...

Тут до парней начало доходить. Никаких изменений в погоде за эти несколько часов не произошло – был такой же крепкий мороз, так же ярко светили звёзды. И по заснеженному двору от калитки к дому были видны следы, оставленные ими троими. ТОЛЬКО ИМИ ТРОИМИ!!! Никакого другого человека нигде больше не проходило.

Посветив в глубокие отпечатки телефоном, парни ясно видели оттиски ботинок, причем они были направлены именно к дому.

– Это мои следы... – растерянно проговорил Сашка, продемонстрировав для верности свой протектор. – Ну так я и шёл последним...

С этим все были вынуждены согласиться. Осмотр других

следов тоже ничего не дал. Никакого намёка на то, что кто-то ещё шёл по двору, не было. Нахмурившись, Иван посветил в сторону окон дома. Вон, в это окно раздавался стук перед тем, как появилась старушка.

Под окнами снег был девственно чист.

Парни только переглянулись и присвистнули.

Вернувшись в дом, они обнаружили, что рваные ботинки гости, брошенные ими у порога, исчезли. Также исчезли и валенки с калошами.

На часах было четыре утра.

Долго потом парни не могли прийти в себя. Понять, что же это всё-таки такое на самом деле, было просто невозможно. Они строили самые различные предположения, но ни одно не подходило. Общим «глюк» никак не мог быть. Да и не «глюк» это был – вон она, вмятина на подушке от головы лежавшей на ней гости, валенок с галошами нет. Да и новых шерстяных носок Сашки – тоже...

– Чертовщина какая-то... – пробормотал Игорь. – Мы же не много вчера выпили...

– А может там чего-нибудь в водку подмешано? – ещё раз предположил Ваня.

– Даже если и подмешано, то всем троим одно и то же чудиться всё равно не может, – вздохнул Сашка, – это я тебе как несостоявшийся врач говорю.

– Я, кстати, тоже потом какой-то странный свет видел в соседнем доме, – сознался Иван после некоторого раздумья. –

Точно такой, как ты сказал – как будто телевизор работает... Вы уже спали... Он чуть посветил и погас. Только там точно никого нет – никаких следов и сугроб до половины двери...

– Вот-вот, а вы на меня ржали! – вяло попенял друзьям Саша.

Так и не придя ни к какому выводу, парни улеглись спать.

А утром снова были шокированы: у порога стояли исчезнувшие валенки с галошами, а сверху были аккуратно положены Санькины носки.

Но наши люди – это и есть наши люди. Решив, что на этом чудеса должны, наконец, прекратиться, друзья не удрали тотчас из деревни, а спокойно провели весь день в деревенском доме. Перед отъездом Ваня аккуратно снял со стены рамку с фотографиями, вытащил оттуда снимки прабабушки и прадеда, пояснив друзьям, что сделает с них копии и потом вернёт на место.

В город парни вернулись только вечером, клятвенно обещав друг другу, что никому не проболтаются о том, что с ними произошло. Не хотелось как-то перед людьми выглядеть дураками.

История эта может так и сошла бы за какой-то необъяснимый бред, но однажды, несколько лет спустя, Иван получил от Игоря предложение стать крёстным отцом его маленького сына. После той памятной поездки друзья уже не теряли друг друга из вида, время от времени встречались и были в

курсе перемен в жизни друг друга.

И вот в церкви Иван, следуя примеру своей беременной жены, в ожидании начала таинства крещения, купил несколько свечей. Подойдя к одной из икон, он зажёл свечу и поднял глаза на лик. И чуть не выронил свечку из руки. С тёмной от времени иконы на него смотрели уже знакомые глаза. Такое же материнское тепло лилось из этого взгляда, какое он ощутил на себе, когда распахнул дверь деревенского дома и увидел старушку. Иван вздрогнул – со старинной иконы на него смотрела молодая женщина с младенцем на руках.

После обряда Иван подвёл к иконе и Игоря с Сашкой. У них была точно такая же реакция, как и у него самого. Посовещавшись, они подошли к пожилому священнику. Тот внимательно выслушал их рассказ, понимающе кивнул.

– Если честно, то я слышу подобную историю второй раз в жизни. Первую, весьма похожую, мне рассказала моя бабушка, когда я был ещё ребёнком. Не пугайтесь, молодые люди, то, что произошло с вами – это, действительно, чудо. К вам приходила сама Богородица. Это на иконе она красивая молодая женщина. К людям она является совсем в другом виде, чаще всего в неприглядном. Это своего рода испытание на человечность, и вы его, я так понимаю, выдержали.

Священник улыбнулся, понимающе глянул на притихших молодых мужчин.

– Не верите мне? Это ваше право. Но Богородица обычно

щедро благодарит достойных. У вас ведь тоже после этого были перемены к лучшему, не так ли?

Священник снова улыбнулся и откланялся, оставив друзей наедине со своими мыслями и чувствами.

Мужчины переглянулись. Иван после той истории благополучно женился, сейчас они с женой ждали второго ребёнка. Игорь помирился с женой, и сегодня они крестили своего первенца. Саша снова вернулся в медицинский, окончил его с красным дипломом и уже работал, снискав славу подающего большие надежды детского хирурга. Через неделю у него должна состояться свадьба.

Веснушки

Мила Рутова пришла сегодня на работу пораньше – надо было срочно закончить начатую статью. Привычно включив компьютер, она защелкала клавишами клавиатуры – пока ехала в полупустой маршрутке, ее очень удачно посетило вдохновение, и теперь Мила почти точно знала, что писать.

Надо сказать, что ей несказанно повезло, потому что едва Мила поставила заключительную точку в тексте, в кабинет заглянул ее руководитель. Завотделом просто расцвел, увидев Рутову.

– Люда, привет! Как поживает наша статья?

– Привет, Борисыч. Родилась. Ты удачно зашел, я как раз заканчиваю.

– Ну, тогда с новорожденной тебя!

Мила хмыкнула в ответ. Пробежалась глазами по последним абзацам и лишь потом перевела взгляд на Льва Борисовича.

Она не ошиблась. Тот зашел не просто так. Уже через пару минут с совершенно серьезным лицом он дал своей подчиненной Людмиле Рутовой очередное задание. Нужно было ни много ни мало: съездить в соседнюю область, посетить там один металлургический завод и написать пару статей о передовиках производства.

– Как в старые добрые времена? – переспросила Мила не без иронии.

– Правильно. Поверь, Людмила, я немало уже живу на свете и могу с уверенностью сказать, что в этом мире ничего не меняется.

Сдав законченную статью, Мила оформила командировку и поехала в соседнюю область. А чего бы ей не поехать? Вполне приятная, сорока с небольшим, дама, у которой в жизни все уже сложилось – был хороший муж, выросли и неплохо устроились два сына. Нормальная работа. Свой, давно сформировавшийся круг приятелей и приятельниц. Вполне все так среднестатистически, все более-менее ровно. Почему бы не съездить и не развеяться?

Посетив завод, Мила довольно быстро справилась с заданием. Сделав нужные наброски для будущих статей, она vykroила себе полдня, чтобы погулять по городу. И для ду-

ши полезно, и наблюдения за местными жителями и осмотр достопримечательностей могут пригодиться для работы. Уж что-что, а примечать интересное и не менее интересно писать об этом Людмила Рутова умела. Журналистом она была хорошим.

Выйдя на набережную, Мила села на скамейку. Осень радовала душу и взгляд яркими красками бабьего лета. Воздух казался прозрачным – не то от того, что листва на деревьях и кустах заметно поредела, не то потому, что даже, несмотря на яркое солнце, уже чувствовалась осенняя прохлада.

Подставив лицо солнечным лучам, Мила глубоко вдохнула в себя эту звенящую свежесть, посидела некоторое время, наслаждаясь тишиной и покоем. Со стороны реки неожиданно подул прохладный ветерок, и женщина, резко раскрыв глаза, развернулась спиной к воде.

Мимо скамейки проходила стайка девчонок лет десяти. Одна из них вдруг повернула голову и посмотрела на Милу. А Мила на нее. Секунду или даже меньше длилось это переглядывание. Девочки уже проходили мимо. Отойдя на некоторое расстояние, та девчушка снова обернулась.

А Мила застыла, как изваяние. Даже не могла некоторое время понять, что случилось. Ну что, казалось бы, такого из того, что какой-то ребенок посмотрел на тебя на улице?

Но ей показалось, что она все это время даже не дышала. Почему? Да потому... потому, что Людмиле вдруг показалось, что она увидела себя со стороны. Себя, Милу Рутову,

только на тридцать с лишним лет моложе. Те же серые глаза, те же пухлые щеки. Даже россыпь веснушек на носу и щеках – все это было точно таким же, как у нее самой много-много лет назад. Бывает же такое!

Мила даже головой потрясла, пытаясь отогнать наваждение. Густые рыжие волосы (Мила до сих пор не пользовалась никакими красками) рассыпались по плечам. Ее лицо точно так же покрыто веснушками, как и у девочки, только она давно уже их не замечает, как, впрочем, и большинство людей вокруг нее. С годами Людмила научилась выглядеть так, чтобы веснушки были последними, что видели в ней другие. Как говорится – дура та женщина, что в тридцать лет еще не красавица. Мила Рутова дурой не была.

А вот у девочки в ее возрасте вполне могут быть с этим проблемы. Люду поначалу тоже иногда обзывали. Это теперь она с гордостью носит звание Рыжая. В детстве же это обидное прозвище! Дай бог, мама этой малышки научит ее правильному отношению к цвету своих волос и веснушкам.

Долго еще потом эта встреча не давала Людмиле покоя. Даже вечером время от времени девчушка всплывала в ее памяти. Удивительное дело – живешь вот так, и не знаешь, что где-то уже родилась и так же ходит по земле твоя копия. И никакого родства между вами вроде нет, а надо же – похожа, как две капли воды!

Утром следующего дня Мила собралась в обратную доро-

гу. Погода снова радовала глаз, и, пытаясь выкроить у осени побольше яркого солнышка, тепла и просто свободы, Людмила решила выйти из гостиницы пораньше, чтобы еще раз пройтись по городу. До вокзала было не очень далеко, на автобус она успеет.

Не спеша брела гостья по небольшим улочкам, любуясь архитектурой старинного города, иногда просто всматриваясь в лица людей, в их действия. Все это было не только Милой профессией, ей это просто нравилось – наблюдать.

Вот, например, красивая кованая ограда, что отделяет территорию какого-то трехэтажного здания от тротуара. Мила вгляделась в дом. Нечто среднее между школой и детским садом, во дворе много детских штук – горки, качели и прочее, но дети вон там, возле крыльца, явно не садовского возраста!

– Мама! – Раздался вдруг совсем рядом детский крик.

Мила вздрогнула и обернулась. К той самой решетке, чьей красотой любовалась Людмила только что, подбежал мальчик лет шести. Подбежал, схватился маленькими ручками за прутья, прижался румяной мордашкой к ним, и глядел на Милу восторженными блестящими глазенками. А по носу и щекам его весело разлетелись крупные веснушки.

Мила почувствовала, что земля закачалась под ногами. Во все глаза она смотрела на ребенка. К нему уже спешила пожилая, немного грузная тётка.

– Дениска! – Подошла, ласково (причем не наигранно, а

по-настоящему ласково), она взяла малыша за руку, взглянула на застывшую на месте Милу. Улыбнулась немного грустно: – Вы простите нас. Это случайно получилось.

Ошарашенная Людмила только согласно покачала головой. А потом зачем-то задала вопрос в спину уводившей мальчика женщине:

– Извините, а что в этом доме находится?

Ответ словно обухом ударил Милу.

– Детский дом.

Купив на вокзале билет, Мила Рутова полчаса мучилась в зале ожидания, пытаясь стряхнуть с себя наваждение, не покидавшее ее с момента встречи с мальчуганом. «Что я так задержалась?! Ну, подумаешь, ребенок! Ну и что, что из детского дома! Ну и что, что он назвал меня мамой! Они же в каждой встречной тетке готовы признать мать! Тебе ли не знать, ты же журналист! Акула пера! Что ты так разволновалась?! Уедешь сейчас, и все забудется потихоньку».

Стараясь унять, никак не желавшее униматься, волнение, Мила стала нарезать круги по залу. Когда до прибытия автобуса осталось минут пятнадцать, объявили, что рейс отменяется по техническим причинам и просили всех купивших билет подойти к кассе. Узнав, что следующий рейс в ее город будет вечером, Мила обменяла билет.

Отойдя от окошка, она посмотрела на часы. До отъезда домой было еще больше шести часов. Глубоко вздохнув, Ми-

ла направилась к выходу в город.

Через некоторое время она поднималась на крыльцо того самого детского дома, где проживал окликнувший ее мальчик.

«Зачем иду? Что мне здесь надо?» – думала она, а сама молила Бога, чтобы не встретиться еще раз с тем ребенком. «Ведь он разволнуется, увидев меня, может заплакать...» – Миле уже почему-то было жаль мальчика. «Дались мне эти веснушки!»

Директор заведения приняла Людмилу. Взглянув на ее журналистское удостоверение, вздохнула: «Ну и что же вы хотите?»

Мила и сама не знала. Но у нее недаром был писательский талант, голова сработала почти мгновенно.

– Понимаете, я хочу написать книгу. Там будет кое-что и про детский дом. Мне не нужны имена и фамилии. Ни ваших работников, ни ваших воспитанников. Мне просто нужен живой материал... – Людмилу саму покорило от слова «материал», но она намеренно употребила его, чтобы дать понять директрисе, что ей не нужна конкретика, что она не собирается «копать» под коллектив и установленные здесь порядки. – Мне хотелось бы услышать истории детей. Вы и ваши коллеги ведь много интересного знаете...

Конечно, заведующая знала. И, конечно же, ей было некогда. Она призвала на помощь какую-то свою помощницу – на вид совсем еще молоденькую стройную девочку. Лишь по-

том, как следует приглядевшись к ее лицу, Мила заметила сеточку морщин у глаз. Сразу прибавив девушке лет десять, она послушно отправилась за ней куда-то в другой кабинет, чтобы там «собирать материал» для своей будущей книги, о которой Мила совсем даже не помышляла. Если честно, то она вообще не знала, зачем именно явилась сюда. Просто ноги принесли и все. Но был у Милы уже некоторый жизненный опыт, когда (она знала это наверняка) лучше отдаться обстоятельствам и плыть по течению.

Часа два Людмила Рутова изображала из себя писателя. Историй было несколько, и все они, действительно, были интересные. Тот еще материал! Сюда же от хорошей жизни не попадают!

Потом девушке позвонили и она, выслушав телефонную трубку, пригласила гостью в столовую на обед. Видимо готовили здесь на совесть, раз не побоялись пустить журналистку в святая святых.

Есть Миле от волнения совсем не хотелось, но не принять предложение было бы некрасиво и немного подозрительно.

Выйдя в коридор, Людмила перевела дух – он был пуст. Ну, да, конечно, дети ведь на обеде. Не раз она слышала, что в детдоме самое страшное – это смотреть в глаза детям. А как же столовая, там ведь они все равно ее увидят? Но думать об этом не хотелось, и Мила снова решила: «А, будь, что будет!».

Чутье ее не подвело. Множество ребят лишь мельком гля-

нуло на нее, видимо дети приняли новое лицо за какую-нибудь проверяющую. Ходят ведь у них тут всякие инспекторы, наверняка ходят.

Помощница директрисы отвела Милу за отдельный столик. Они пообедали, продолжая при этом вполне непринужденно беседовать. В сторону детей Мила старалась не смотреть.

Проведя в детском доме почти четыре часа, Мила решила откланяться. Волнение ее почему-то понемногу улеглось само собой, и она вышла из кабинета воспитательницы почти расслабленной. Со спокойным сердцем прошла коридор, вышла в просторный холл на входе в здание. И тут же увидела девочку с набережной. Она стояла возле окна. Увидев Милу, ребенок явно удивился. Удивилась ли она сама? Да у Людмилы снова словно что-то взорвалось внутри. Она запнулась было, устремив взгляд на девочку.

И тут раздался топот детских ног и к девчужке подбежал мальчик. Подбежал, прижался к ней всем телом, обхватил руками. А потом повернул коротко стриженую голову и посмотрел на Людмилу уже знакомыми Денискиными глазенками.

Так они и стояли, глядя друг на друга, некоторое время. Тут раздался голос Мибиной сопровождающей, и ей пришлось перевести взгляд на нее.

Уже в дверях, боясь обернуться и увидеть глаза детей, Мила Рутова каким-то не своим голосом спросила:

– А как зовут этих ребятков?

– Марина и Дениска. Они брат и сестра. Я вам про них не рассказывала... Они у нас недавно... – растерялась было воспитательница.

– Ну да, – неопределенно проговорила Людмила и стала прощаться.

Мила Рутова уехала из этого города, вернулась домой. Написала целых три статьи про завод, про людей, работающих на нем.

Но ни днем ни ночью не могла справиться со своими мыслями. Из головы ее не выходили дети. Марина и Дениска. Брат и сестра. Круглощечные детские мордашки, щедро усыпанные веснушками.

Мила стала задумчивой. Вскоре это заметили на работе. Заволновались, все ли у нее в порядке, не нужна ли помощь. Она успокоила коллег, даже порадовалась их чуткости.

А вот муж Алексей, задав ей почти такой же вопрос, не принял ее краткий положительный ответ, начал допытываться, что происходит. Сначала Мила отшутилась. Потом просто махнула рукой – а, мол, ерунда. А потом рассказала, все, как есть, рассказала. Про каждый свой шаг, про каждый взгляд, про все свои ощущения там, во время встреч с детьми.

Леша долго молчал. Часа два, наверное. Потом задал вопрос:

– И чего ты хочешь?

– Я?! – растерялась Мила.

– Ты.

– Не знаю. А почему ты решил, что я что-то хочу?

– Потому что ты ходишь с таким странным видом уже почти месяц, с того дня, как ты съездила в эту командировку! На тебя смотреть больно, ты как будто что-то потеряла...

Мила не знала, что ответить мужу. Она на самом деле ничего не знала и толком не понимала. Знала только одно – ее сердце рвалось к этим детям.

Потом у них с Лешей был непростой разговор, который закончился его решительными словами:

– Ладно, давай съездим, посмотрим на эти твои... веснушки...

Спустя некоторое время жизнь семьи Рутовых резко изменилась. Настолько резко, что даже и представить себе было сложно. Скажи им, что так будет, буквально несколько месяцев назад, они бы, наверное, просто посмеялись в ответ. В квартире снова стало тесно, свободного времени опять почти не оставалось, но на сердце было легко и радостно.

А Мила на всю оставшуюся жизнь запомнила радостный детский крик, разнесшийся, казалось, по всему детскому дому, едва они с Алексеем переступили его порог:

– Марина, за нами папа и мама приехали!!!

Дарёнкино счастье

Зима нынче стояла знатная! Декабрь, январь и февраль отслужили свое честь по чести – и снега было вдоволь и мороза, и даже солнышка.

Незаметно подошел март. И тут природа снова не поскупилась своей щедростью. Снег еще лежал огромными белоснежными сугробами, искрился на ярком солнце, радуя глаз и давая ребятишкам радости от гулянья на улице.

В один из таких красивых дней в самом начале месяца, навестив брата, Матвей Рогозин возвращался на санях домой. С ним увязался старший племянник Степка, надумавший погостить у деда с бабушкой. Сам Матвей, рослый красивый парень двадцати двух лет от роду, был в семье Рогозиных младшим сыном и жил с родителями.

Мальчишка упросил дядьку дать ему править лошадю. Степке шел уже восьмой годок, мальчуган был шустрый, да и дорога хорошая. Матвей отдал ему вожжи, а сам, развалившись в санях на душистом сене, поглядывал по сторонам.

Поскрипывали полозья по снежку, солнце заметно припекало щеки. На небе ни облачка, да и само оно уже приобретает на смену неяркой зимней краске сочную голубизну.

Красота!

Путь местами пролегал вдоль реки, а там, на высоком берегу, недалеко от села, резвился народ. Катание с горы испокон веков было любимым развлечением на Руси. Вот и сейчас от речки доносился визг и писк, радостные крики и громкий хохот.

– Дядь Матвей, давай заедем, – обернулся к нему Степка.

– Давай, – запросто согласился тот.

Молодость – отчего же не покататься?

На горке кого только не было! И совсем маленькие ребятишки, и подростки, и молодежь. В селе сейчас пополюдни управят скотину – да и жди кое-кого из взрослых. А что, найдутся и такие смельчаки! Глядишь – и полетят вниз розовощекие бабы в цветастых платках, да несколько мужиков кинутся им вдогонку, чтобы догнать на спуске, и, приловчившись, устроить там кучу малу, помять веселым бабёшкам бока, пощупать лакомые упругости, а то и вовсе примкнуть устами к горячим устами. И вовсе не всегда быть за то битым или поруганным. Иной раз и задержится какая в плену, не сразу оторвется от мужицких губ, не сей момент вырвется

из крепких рук. Да, чего только не бывает...

Дашенька Сторожевая была у родителей единственным ребенком. На Михайлов день ей исполнилось семнадцать лет. Светлокосая, румяная, стан гибкий. Красавица! Вместе со своей подружкой Верочкой, такой же стройной веселой девчушкой, она часа два назад пришла на горку и с визгом носилась туда-сюда в стайке других девушек. Женихающиеся парни поглядывали на Дашу с Верочкой, шутили с ними, но ничего вольного себе не позволяли. На селе все знали крутой нрав Дашиного отца – донских кровей казака Артема Сторожевого. Не дай Бог, сотворишь что-нибудь не то, не открестишься потом. Да и сама Даша хоть и была хороша собой, но никогда красотой своей не гордилась, не выпячивала ее. Она вообще была воспитана скромной и работающей, ее любили не только дома, но и подруги и соседи.

Девушки притащили санки и, усевшись по несколько человек, одновременно на пяти салазках покатали вниз. Парни – им вдогонку. Внизу, как водится, встретились: санки об санки, люди об людей. Куча – мала, шумно, весело!

От сильного удара Даша не удержалась на своих санках, хоть и крепко цеплялась за Верочку. Хлоп! И девушки полетели в разные стороны.

Дарёнка упала на спину, кто-то шлепнулся рядом. Давясь от хохота, девушки проворонили момент, когда на них свалились парни. Чей-то светлый полушубок закрыл Дарёнке лицо, кто-то тяжелый упал на неё. Но больно не было, парень как-то изловчился и сумел немного смягчить удар, спружинив на руках. Но потом тоже принялся хохотать, ослабил руки и навалился на девушку. Вот тут-то Дашутка и ощутила всю его тяжесть! Некоторое время они смеялись и барахтались в снегу. И вдруг парень снова приподнялся на руках и глянул на свою «добычу».

Большие синие глаза, румяные щеки, алые, еще по – детски пухлые губы. Красота -то какая! Серые глаза его радостно блеснули. Девчонка все еще смеялась и смотрела на него открыто. Да ведь это же Дашутка Сторожевая! Матвей узнал ее, но не отстранился. Она продолжала от всей души смеяться. И вдруг он сграбастал девушку в охапку и с жаром припал к ее губам. И это был такой сочный поцелуй, что, казалось, звук его был слышен на всю округу.

Матвей оторвался от девичьих губ и тут же кто-то рывком стянул его с Даши. Саму девушку подхватили с земли подружки и потянули за собой. Молодежь, с хохотом и гиканьем, шумною толпой стала забираться обратно на берег.

А в это время на одной из улиц у колодца собрались бабы. Одна, вторая, третья... Вот уже и коромысла сняты с плеча, и семечки пошли в ход. Истинно деревенское сборище! Кости тут моют всем и каждому, здесь делятся последними известиями и придумывают новые сплетни.

Агриппина Ивановна Рогозина уже поднимала из колодца второе ведро, когда услышала:

– Ой, бабоньки! Нешто мы еще одну зиму прожили? Солнышко-то как припекает! Весна!

– А то! – поддакнула другая. – Как мой-то скажет – щепка на щепку!

– А вам бы только про энто дело! – фыркнул еще один голос.

– А нам-то чо? У нас с Власом дело еще молодое, не застоялися! – веселилась Евдокия Муромова, тридцатилетняя красивая баба, жившая через два дома от Рогозиных. – Верно говорю, Агриппина Ивановна?

– Что верно, то верно. – Рогозина смерила оценивающим взглядом сочную молодуху. – Только меня-то чего с собой сравняла? Я вроде постарше тебя буду.

– А я и не тебя... – Евдокия сверкнула шаловливым взглядом и многозначительно замолчала.

– Ладно тебе, Дуняшка, языком-то молотить! – попыталась остановить товарку другая женщина.

Агриппина Рогозина перехватила поудобнее свою ношу и пошла по тропинке. Придя домой, она поставила ведра и в сердцах грохнула коромыслом.

– Ты чего, мать? – выглянул из комнаты муж Игнат Терентьич.

– А того! Знать опять этот греховодник к Елене ходил! Бабы мне скоро на улице проходу давать не будут! В который раз уже одно и тоже слышу, и все про Матвеев блуд! Женил бы ты его, отец! Вон какой жеребец вымахал, хоть и грешно матери-то так про сына говорить, прости меня, Господи! – она осенила себя крестом и вдруг смахнула с глаз набежавшую слезу. – Дождешься ведь, что и тебе люди в лицо смеяться станут!

Игнат Терентьич помрачнел. Знал он, о чем жена речь ведет. Младший сын Матвей и в самом деле вымахал завидным красавцем. И характер был недурной, и в голове не ве-

тер свистал, и в руках дело спорилось. А с прошлого лета, с самой сенокосной поры схлестнулся сын с вдовушкой из соседнего села – Еленкой Милютиной. То ли заговорила она его, то ли еще чего, но только девок Матвей с той поры словно не замечал. На гулянки ходил ненадолго, словно лишь для того, чтобы отметить. А время от времени доходили до родителей вести, что видят его ни много ни мало – в соседнем селе у той самой Елены. Вдова была лет на пять постарше Матвея, в замужестве прожила недолго – супруга ее на смерть закатал бык. Беда с ним приключилась через два года после свадьбы. Детишек Милютины народить не успели. Вот и жила Елена одна – одиначенька, не давая покоя бабам не только из своего села, а еще и соседям. Красивая она была, эта Еленка, а с годами становилась еще краше, словно наливалась какими-то неведомыми соками, блистала такой манкой женской красотой.

Где уж было мужикам удержаться от такой ягоды-малины? Вот и подкатывали они к ней. Болтали злые языки, что если и принимала она кого, то только на один раз, словно не позволяла сердцу своему привыкнуть, душе прикипеть. Только все это пустая болтовня была – ни один мужик не мог сам себе похвастать, что побывал в объятиях Милютиной. А нынче летом свел их нечистый с Матвеем Рогозиным, схлестнулись они на покосе. Вот тут-то, знать, и дрогнуло вдовье сердечко. Повадился добрый молодец пропадать

у Елены время от времени. Отец знал об этом, но до поры молчал. Не хотелось родительскому сердцу верить, что у любимца это серьезно. Мужичье дело такое... в подоле, как говорится, не принесет. Но вот избаловаться, пожалуй, может. А еще хуже – так это славы дождешься, не ровен час, что и ему мужики такой же вот привет отвесят, как жене его бабы.

Когда Матвей явился домой, Игнат Терентьич выждал момент, пока внук Степка, отобедав, убежит обратно на улицу и завел с сыном серьезный разговор. Мать убирала посуду, но держала ухо востро, готовая в любой момент подключиться.

Матвей, впрочем, не шибко и брыкался. От связи с вдовушкой не отказывался, с отцом не препирался. Он просто молчал.

– В общем, такой тебе наш родительский наказ, сынок. Хватит уже буйной твоей голове чужие подушки мять. Женись давай!

– На ком?! – ошалел сын.

– Девоч, что ли нет?! Назвать?! – начал закипать старший Рогозин.

– Ну чего ты, батя, – улыбнулся Матвей. А внутри все оборвалось. Все, приплыл, видать. Если уж отец завел такую беседу, стало быть, не отвертеться ему... Хорошо еще по заливку не съездил...

– Принуждать не буду. Сватов зашлем туда, куда сам решишь. – При этих словах мать выглянула из кухни, открыла было рот, но грозный взгляд мужа умерил ее пыл. – Выбор твой. Но про бабу ту с этого дня чтоб ни звука ни от кого не было. Уразумел?

– Уразумел. Невесту прям сейчас, что ли выбирать? – попробовал отшутиться Матвей.

– А вот прямо сейчас и выбирай! – припечатал отец.

Агриппина Ивановна аж присела на лавку. Она-то грешным делом в сердцах мужу про женитьбу сына сказала. Жалко вдруг стало младшенького в чужие руки отдавать. Какая бы невестка не подвернулась, а сын-то все едино к матери тянуться перестанет – ночная кукушка всегда дневную перекукует.

Но – дело сделано. Слово не воробей, вылетело – не воротишь. Надо думать о невесте. Стали выбирать – мать

подключилась. Хороших девушек было много, и достойных невест немало. По одному концу села «прошлись», по другому. Матвей стоял у окна молча, слушал родителей. Разговор ему совсем не нравился, но уйти он не мог. Неужто и в самом деле его женить надумали?

– Чего улыбишься? – Отец заметил блуждающую на губах сына улыбку. – Слышишь, чего мать-то говорит? Тонька вот Агуткина хорошая невеста.

– Ей же восемнадцать вроде нет? – речь шла о девушке с их улицы, и Матвей хорошо ее представлял.

– Так и другим некоторым нету. Веруньке Голубевой, Дарёнке Сторожевой тоже нет.

– Кому?– удивился Матвей.

А перед глазами вдруг встала недавняя картина – румяная девчонка лежит на снегу, сверкает синими глазищами и хохочет. И что дернуло его поцеловать эти сочные губы?

– Да ее и отец не отдаст, – отмахнулась мать.

– Это почему же? – вскинулся Игнат.

– А то не знаешь? Она же для них свет в окошке. Акси-
нья-то рожала несколько раз, все мальчишки были. Но уми-
рали почти сразу. А девчонка последняя родилась и, вон,
в какую красавицу выросла. Одна дочка, хозяйство у них
опять же справное. Одних коней, говорят, пять штук на дво-
ре стоит, один другого лучше. К ним ни сегодня-завтра сва-
ты толпой пойдут. Пока ждешь ее восемнадцатилетия, уве-
дут девку-то.

– Вот ее и просватаем! – решительно заявил вдруг стар-
ший Рогозин. Видно зацепило его, что кто-то может ему про-
тивиться. – Пойдет тебе такая невеста?

– Батя! Да вы что? – сын развернулся к родителям. – Она
же дитё совсем!

– Ничего. Зато воспитание путёвое. И одна дочка у роди-
телей. Это тоже не лишне. В общем, мое слово такое! – ре-
шительно заявил Игнат Терентьевич, явно позабыв о том, что
недавно еще давал волю сыну в выборе невесты.

Мать только вздохнула и недоверчиво покачала голо-
вой.

Когда ко двору Сторожевых подъехали сваты, Акси-
нья

выронила из рук ухват. Растерянно глянула на мужа, подшивавшего у печки валенок.

– Артем! – только и выдохнула женщина, побледнев.

– Ну, ладно, ладно, – успокоил ее супруг, откладывая работу и поднимаясь, – время, знать, пришло.

Дарёнка была в своей светелке, вышивала рушник. Услыхав грохот на кухне, подняла голову от шитья.

– Мама? – спросила громко.

– Сваты идут, доченька, – дрогнувшим голосом ответила мать.

Девушка подхватила с места, заметалась по комнате, только толстая длинная коса замелькала за ее спиной. Сва-ты! За нею?! Да как же это?! Ведь и не спрашивал никто позволения, никто из парней даже словом не обмолвился о сватовстве!

Знала Даша, что хороша собою, знала и о том, что хозяйство у них крепкое, а значит и отец с матерью не поскупятся с приданым. Стало быть, по всем статьям невеста она на селе завидная, хоть и девок в нем пруд пруди! Но не ду-

мала девушка, что все случится так, что не успеет она вдоволь погулять с подругами, не успеет ее сердечко дрогнуть и испытать первой любви. А тут уж прямо сразу – замуж!

Пометавшись по комнате, забилась Даша в угол к кровати, уткнулась головою в стену. Господи! Да как же это так, а? Ну почему же так быстрехонько-то?

Ее девичьи уста еще и поцелуев-то толком не знали... Пальчики коснулись губ. Ах, Даша, Даша! Неправду ты говоришь! Помнила она, до сих пор помнила сочный тот поцелуй, что случился несколько дней назад на реке. И, вспоминая, каждый раз млела, и щеки ее розовели. Матвей... Глаза-то у него какие огромные, как два колодца глянули на нее сверху в тот день. И утонула в них Даша...

Больше Матвея Рогозина она ни разочку даже не видела. Подружка Верочка, оказывается, видала, как он целовал Дашу. И то, что у той щеки стали розоветь кстати и некстати, она тоже заприметила. Пригляделась к Дарёнке.

– Неужто ты влюбиться в него надумала, а, подружка моя?

– Ну что ты такое говоришь! – фыркнула девушка.

– Всем он, может, хорош, только сказывают, что с Еленкой

Милютиной у него любовь.

Кто такая Милютина Дарёнка знала, и про Матвеевы похождения туда не было для нее новостью, но тут впервые слова подруги неприятно царапнули где-то внутри. Отчего же вдруг?

Даша снова осторожно тронула губы, словно на них до сих пор еще хранился след от того поцелуя... Что же, выходит – прощай, Матвей? Хотя и не было ничего между нами. Ты-то сам, может, и не помнишь ничего даже, только девичье сердечко дрогнуло...

«А что это я вдруг так распереживалась? Почему так решительно распрощалась со своею свободой? Неужели тя-тя с мамою поспешат выдать меня за первого же жениха? Я, что, с лица дурна, или в девках засиделась? И неужто никто моей воли не спросит? А ну-ка, дурочка, успокойся, послушай лучше, кто вообще там пришел!»

Сваты между тем прошли в горницу, перекрестились на образа в красном углу, произнесли все слова по обычаю. У вас, мол товар, а у нас, стало быть, купец. Отец с матерью ответствовали им и пригласили к столу. Все чин по чину. Вот только Артем Сторожевой с удивлением поглядывал на пришедших. Это ж надо, кого в его избу занесло! Не ожидал,

никак не ожидал!

Выслушали сватов. Родители Даши переглянулись. Ну что ж... Настало время звать дочь. А Дарёнка все никак не могла справиться с волнением, не поняла даже, что за жениха славят в передней комнате. «Кто бы ни был, все равно откажу!» – решила она напоследок, услышав, что ее зовут. «Не должны тятенька с маменькой меня против воли замуж отдать».

Поправила юбку с кофтой, перекинула косу на грудь. И шагнула в комнату. Опустив глаза в пол, поздоровалась. И лишь потом Даша подняла голову. На лавке сидели сваты и... Матвей Рогозин. Увидав его, девушка едва сдержала удивленный взглас. Лишь руки поймали кончик длинной косы и затеребили русую прядь.

– Вот, доченька, неожиданно – негаданно к нам какие люди нагрянули... – вздохнул отец. – Хоть мы с матерью и говорим им, что рано тебе замуж идти. Но против воли твоей, дочка, не пойдем. Как решишь, так и будет.

Зарумянились Дарёнкины щеки. Матвей Рогозин глянул на девушку. Ну куда же ей замуж! Вон, какая юная да свежая, словно зорюшка морозная. Хороша, кто ж спорит. Да куда...

Додумать Матвей не успел. Сваты снова приступили к своим обязанностям, наговорили всякой всячины, славя жениха и его семью.

И вот, наконец, все стихло. Аж слышно стало, как тикают ходики на стене. Все ждали Дашиного ответа.

А она сжала вдруг руки на груди, хотела что-то сказать... и метнулась в свою светелку, только коса колыхнулась за спиной.

Матвей с явным облегчением вздохнул. Это хоть и не явный отказ, но и не согласие. Родители Дашеньки тоже так подумали. Сваты лишь переглянулись. Подождали немного. Потом хозяин дома многозначительно посмотрел на жену. Акси́нья поднялась с лавки и пошла за дочерью.

Даша бросилась на грудь матери. Та принялась ее успокаивать, гладила по спине, приговаривала:

– Ну, что ты, милая, чего испугалась! Никто же тебя против воли не отдаст. Привыкай, доченька. Вон ты у нас с отцом какая красавица выросла! Не одни еще сваты придут.

Но Дарёнка вдруг замотала головой. Мать, не понимая,

отстранила ее от себя, глянула на дочь.

– Нет, мама. Прости меня. Только... я... согласная.

Долго мать смотрела на свое дитя. Не отговаривала и не соглашалась с Дашенькой. Просто пыталась понять, почему та такое надумала. Хорошо ведь ей было в отчем доме, она любила родителей, и они ее любили. Только-только дочь вошла в девичью славную пору, когда женихи должны появиться! А она на тебе – и сразу же первым же сватам согласие дать готова. Неужто чем-то зацепил ее Матвей Рогозин? Да ведь не разу никто их вместе даже не видал, он по их улице разве раз в год и проезжал... То, что семья Рогозиных путная, хозяйство крепкое – это всем было известно. И про самого Матвея худого было не слыхать...

– Ну, что ж... Надумала, так надумала... – Аксинья вздохнула. Поправила на Дарёнке кофточку, пригладила волосы. Поцеловала дочку в лоб и перекрестила.

– Выйди, сама скажи свое решение.

Аксинья вернулась в комнату, чуть заметно кивнула мужу, села рядом с ним. Через минуту вышла Даша. Вздохнула глубоко. И, не глядя на Матвея, дала свое согласие.

Сваты мигом оживились, обряд пошел дальше своим чередом. Один Матвей сидел на лавке, словно получив обухом по голове. Не ожидал. Ой, не ожидал он от девчонки согласия! Переведя дух, он посмотрел на девушку. Ну что ж, невеста, гляди, твоя воля...

Даша поймала на себе его взгляд. И не увидела в нем никакой радости, разве что удивление одно. Но она и не ждала от этого парня никакой влюбленности. А тот поцелуй... Да подумаешь, что поцелуй? Ему-то наверняка все равно ко-го было тогда целовать. А вот она... Даренка знала, что спешит с замужеством, но ее невыносимо тянуло к этим серым немного насмешливым глазам, к его сильным рукам и широким плечам. Она до сих пор помнила тяжесть его тела и то, как бережно он приподнялся, чтобы не придавить ее...

* * *

Свадьбу справили на Красной Горке. Широко гуляли, весело. Под крики «Горько!» молодые вставали и лишь касались друг друга сухими от волнения губами. А гости любовались красивой парой, даже самые привередливые не могли не признать, что давно не видали таких красивых молодоженов. И, что греха таить, многие не только девушки, но и молодые бабёшки даже завидовали Даше Сторожевой – ведь

такого мужа, как Матвей Рогозин, далеко не каждой Бог послать может.

Но вот первый день гуляний подошел к концу. Под веселые смешки и многозначительные напутствия молодых проводили на ночлег. Свадьбу гуляли в доме невесты, а в первую брачную ночь их отправили к Рогозиным.

Вот и остались молодые супруги вдвоем. Но не кинулся к юной жене Матвей, не сжал ее в пылких объятьях. Молча прошел по комнате, снял с широких плеч пиджак. Даша вообще застыла испуганной птицей у порога. Вот и все, кончилась сказка, которую она сама себе зачем-то придумала. Именно сейчас она поняла это. Поняла, да поздно. Ничего не воротишь назад и не сбежишь теперь из этой светелки. На большую кровать, заправленную вышитым ее же руками бельем, Даша старалась вообще не смотреть.

– Чего стоишь, – Матвей заметил замершую жену, – иди, не бойся.

Даша густо покраснела, заметив, что он начал раздеваться. Матвей, словно почувствовав на себе ее взгляд, обернулся. Даша не удержалась и развернулась к двери. Матвей усмехнулся. Стянул одежду и, оставшись в одном исподнем, прошел к керосиновой лампе, убавил фитиль.

Скрипнула за спиной Даши кровать – муж лег.

– Ты меня, Даша, не бойся, я тебя не обижу. Одного не пойму – чего ты замуж за меня пошла? – произнес он через минуту.

Даша выпрямила спину, осторожно начала снимать фату. Стараясь не смотреть на мужа, она разделась, повесила свадебный наряд и подошла к кровати. Когда она нырнула под одеяло, Матвей погасил лампу совсем. Некоторое время они лежали в темноте.

– Устала? – спросил он тихо.

– Ага, – почти шепотом ответила Даша.

Матвей, закинув руки за голову, лежал рядом. И чувствовал он себя в этот момент по меньшей мере странно. У него не было ничего к этой девочке, разве что помнился тот сочный поцелуй на горке. Красивая, молоденькая девчуха... Его-то, понятное дело, батя и так бы женил, не на Даше, так на ком другом, лишь бы от Еленки отвадить. А вот она-то отчего в замужество кинулась, словно впопыхах? Ничего ведь не было такого, что могло ее толкнуть на это... Если влюблена была в кого, да в отместку за невнимание... А что, и

девки да и парни порой такую глупость совершают. Думают, что отомстили обидчикам, а сами потом еще больше запутываются.

Мысли его плавно перетекли к Елене Милютиной. Давненько он у нее не был, помнил отцовский наказ. Если честно, то в чем-то батя прав. Что у него было с молодой вдовой? Любовь? Это вряд ли. Не знал Матвей еще чувства такого – любовь. Тяга животная? Вот это, пожалуй, вернее. Он помнил, как жарко прильнула она к нему, когда сама же и упростила помочь ей прыгнуть со скирды. Прильнула, обожгла взглядом, и тут же оттолкнула, и пошла прочь – гибкая, горячая, сильная. А Матвей с той поры потерял покой и сон. Но Елена не спешила, дала его желанию разгореться как следует, да и повстречалась ему потом в нужное время в нужном месте. С ненасытной вдовой молодой парень прошел такую науку, какую не всякий мужик порой ведает. Но как бы ни было Матвею хорошо с нею, а сердце его не дрогнуло. И потому безо всякого страха он согласился жениться – не жаль было свободы, не жаль Елены. Хотя... Тянуло к ней, что греха таить, а чем дальше, тем сильнее. Недели за две до свадьбы поздним вечером Матвей вышел было во двор, вывел коня со стойла. Да услышал за спиной голос стоявшего на крыльце отца:

– Совсем, что ли, удержу нет? – спросил тот с грустной

усмешкой.

Матвей застыл на месте. Если бы батя прикрикнул на него, или даже и вовсе преградил путь, тут, может быть, он и воспротивился бы, умчался куда хотел. А вот тихая такая усмешка больно резанула по сердцу. Словно и не мужик я, чего в самом-то деле... И Матвей поставил коня на место, поднялся на крыльцо. Отца там уже не было...

Вспомнив сейчас все это, Матвей беззвучно хмыкнул. Дарёнка тихонько лежала рядом.

– А почему тебя Дарёнкой кличут?

– Это меня с детства так мама звала. Мои старшие братья все умерли. А меня мама у Бога очень просила. Вот он и смилостивился. Дарёная я. Даша. Дарёнка.

– Ишь ты! – хмыкнул Матвей и развернулся к жене. Лежи, не лежи, а завтра поднимут их, стянут с кровати простыню, потащат гостям показывать. Эта мысль подступила незаметно, и хоть совсем не хотелось, но он спросил: – Ну и чего мы с тобой делать будем, а, Дарёнка?

Даша поняла его и внутренне вся сжалась. Вот оно, то страшное, что должно сейчас случиться. Краем уха слышала

обо всем этом действе, но что произойти должно на самом деле, она, если честно, толком не знала.

В сомнении был и сам молодой муж. Он-то в этом был уже не новичок, да только не знал, как такое можно сотворить с испуганной пичугой Дарёнкой. Ему не то, чтобы совсем не хотелось близости с женщиной, Матвею не понятно было, что делать именно с нею, с Дашей. Между ней и Еленой не было ни капли схожести. И как подступиться к этой девчонке, чтобы не напугать ее окончательно, он просто не знал. Можно было бы не трогать ее совсем – он бы так и сделал. Но нельзя ее позорить, она-то тут совсем ни при чем.

Даша почувствовала, что рука мужа коснулась ее плеча. Кожу словно обожгло, она не сдержалась и вздрогнула. О, Господи, совсем еще дитя!

И все же его тело не подвело. Несмотря на скованность юной новобрачной, нежная ее кожа, запах и теплая упругость сделали свое дело – и вот уже подол нарядной сорочки под его руками пополз вверх, открывая крепкие бедра. Снять с жены сорочку совсем он не решился.

– Не бойся, – шепнул Матвей.

– Ай! – пискнула Даша и тут же закусила губы, почувство-

вав, что он склонился над нею.

Матвей не посмел ласкать Дашу так, как, наверное, следовало бы – каким-то внутренним чутьем он понимал, что сейчас ничто не поможет. И потому делал сейчас только то, что считал нужным. Его губы коснулись ее губ, только теперь уже не так, как там, на свадьбе, а в том самом жарком поцелуе, что случился на реке.

Когда все кончилось, Даша сделала осторожную попытку освободиться и он, почувствовав это, отпустил ее, откинулся на спину.

Всё. Теперь уже точно всё.

Утром все прошло честь по чести. Так же, по всем правилам, отгуляла и свадьба. Молодых определили жить у Рогозиных, отведя им половину дома, где они провели первую брачную ночь.

Для Даши началась новая жизнь. Она пришла в чужой дом, с новыми для себя порядками, людьми и их привычками. Свекор Игнат Терентьич хорошо принял сноху, и она как-то сразу нашла с ним общий язык. А вот со свекровью Даше с каждым днем, наоборот становилось все неудобнее.

Она и сама не знала, что делала не так, старалась изо всех сил, но Агриппина Ивановна временами косилась недобро, а то и вовсе недовольно поджимала губы.

Но это все было сущей ерундой перед тем, что поняла Даша, спустя несколько дней после свадьбы. Матвей больше ни разу не коснулся ее, ни в шутку, ни всерьез... Вечером они уходили на свою половину, раздевались и ложились в одну постель. И все. Днем все нормально – Матвей, как Матвей, ходит, разговаривает, дела делает. А ночью... Он не был с нею груб, но и мужем в физическом смысле тоже быть не стремился. Словно отвел обедню раз и навсегда...

Если честно, то это не то чтобы тяготило Дарёнку, просто было как-то чудно. Слышала она, что молодые мужья, особенно в первое время женам продыху не дают. А тут... Хотя то, что произошло в ту первую ночь, ей совсем не понравилось. Было страшно и стыдно, а потом еще и больно. Хоть Матвей и старался быть осторожным и даже ласковым. Продолжения Даше не хотелось. Просто было немного обидно, что он так резко отказался от нее. Вроде как и что-то не так с нею...

Но домашние хлопоты понемногу затянули ее, Даша пообвыклась. Даже когда истопили в субботу баню, и тут-то Даше повезло. Когда она собирала в комнате чистое белье,

Матвей зашел за ней следом. Даша растерянно глянула на него и опустила руки с его рубахой.

Матвей аж приостановился, кашлянул. Потом развернулся и, прежде чем выйти, произнес:

– Собери мне отдельно, я с батей в первый пар пойду, а вы с матерью потом.

С той поры так и повелось.

Прошел месяц. Ничего в их жизни не менялось, разве что дни становились все длиннее, а ночи короче. Крестьяне начали готовиться к работе в полях и на огородах.

Агриппина Ивановна и сама не знала, за что невзлюбила невестку. Скорее всего в ней разыгралась банальная материнская ревность. Как же, она растила сына, ночей не спала, а тут явилась какая-то чужачка да и забрала ее мальчика, ее кроиночку.

Даша была ловкая, в работе шустрая и аккуратная. Домашних хлопот не чуралась, но и вперед не высказывала, делала все в срок и как надо. Но свекровь все равно находила к чему придраться. Да и то, что сын держался с молодой женой как-то необычно ровно, безо всяких там заигрываний хотя

бы в медовый месяц, было не в пользу Даши. Значит, сын чем-то недоволен, стало быть, невестка что-то делает не так.

Игнат Терентьевич своим мудрым взглядом тоже стал замечать это, но пока помалкивал. Чужало его сердце, что не видит сноха ласки не только от свекрови, но и от мужа. Но знал, что лезть во все это пока не стоит. Молодые должны сами во всем разобраться. Вот если палку начнут перегибать, вот тогда он и молвит свое последнее слово. И ведь как в воду глядел.

Как-то раз вечером, когда женщины стали собирать на стол ужин, Агриппина Ивановна вспылила:

– Ну куда ты капусту поставила! Отцу будет не достать! – Она грохнула об стол большой миской с квашеной капустой.

Сидевший на лавке свекор глянул на жену, но она почему-то восприняла его взгляд, как одобрение.

– А ложки чего не принесла? – напустилась свекровь на Дашу шипящим шепотом.

– Сейчас принесу, – тихонько сказала Даша и метнулась на кухню. Губы ее обиженно задрожали. А в спину ей неслось недовольное: – Вот и будем туда-сюда ходить. До ночи не

поужинаем.

Именно это и успел заметить вернувшийся с улицы Матвей. Глянул в спину жене, скрывшейся за цветастой занавеской. Скинул с плеч жилетку, разулся. И остановился посреди комнаты. Когда Даша появилась из кухни с ложками в руках, он тормознул ее. Посмотрел на отца, перевел тяжелый взгляд на мать.

– В общем так. Хотя вы мне и родители, но никому в этом доме я свою жену обижать не позволю. Всем понятно?

Руки матери взлетели было вверх, но тут же безвольно упали вниз. Она глянула на мужа, ища у него поддержки, но Игнат только опустил голову, пряча от всех в усы улыбку одобрения.

После этого Агриппина Ивановна к снохе не придиралась, лишь поглядывала порой неодобрительно. Но даже она, спустя какое-то время заподозрила неладное: Дарёнка стала словно увядать. Она не исхудала, но с лица сошел румянец, она все больше отмалчивалась. Порой свекровь и вовсе замечала, как молодая задумывается о чем-то своем.

– Ты не заболела, не ровен час? – спросила она однажды.

– Не заболела, – коротко отвечала сноха.

– Может, понесла?

Даша вспыхнула как маков цвет. Какое там! После той единственной ночи Матвей к ней и пальцем ни разу не прикоснулся!

Наконец и муж заметил, что с нею что-то не то. Поглядывал молча, а ближе к субботе предложил навестить Сто-рожевых. Дарёнка с благодарностью взглянула на него.

Скучала она. И по родителям скучала, и по дому скучала. И по подружке Веруне тоже... А Верочка, едва прознав, что подружка в отчий дом погостить приехала, после обеда сама прибежала. Матвей с тестем взялись поправлять крышу на дворе. Аксинья занялась домашними делами. А две подружки уселись в Дашиной светелке и принялись радостно щебетать.

Больше всего вопросов было, конечно же, у Верочки. Очень уж ей хотелось узнать интимные подробности близости с мужчиной. И в этом не было ничего постыдного – не сегодня-завтра и ей предстоит сватов принимать. Кое-что обычно девушки и так к тому времени уже знают, а вот поточнее... Поточнее может только кто-то близкий сказать,

уму-разуму научить.

Вот и пристала Верочка к Дарёнке с расспросами. А подружка только краснела, да отмахивалась:

– Да ну тебя, вот сама под венец пойдешь и узнаешь!

И тут же екало сердечко: нет, не такая должна быть семейная жизнь, как у них с Матвеем. Женили его на ней, а она-то ему и не любя вовсе. А может его скованность Дарёнкина оттолкнула? Ну так чего с нее взять, с глупой-то? Да, испугалась она, застеснялась. А он все принял как есть?

– А, погляди-ка, какое мне платье брат из города привез! – похвасталась Вера, развернув обнову. – На Троицу надену.

Девушки принялись разглядывать нарядное платье. Потом подружка уговорила Дашу его примерить. Стройная Дашенька была хороша в обнове, разглядывая себя в зеркале, она заулыбалась довольная.

– Ой, Даш, да оно тебе даже лучше, чем мне!

– Скажешь тоже! – засмеялась Дарёнка.

Вот этот ее серебристый смех и услышал Матвей, во-

шедший в избу. Услышал и замер пораженный. А ведь он ни разу не слышал ее смеха с самой свадьбы...

Знал он, что помешает подружкам, смутит их, но слов-но нечистый подтолкнул его к двери Дашиной светелки – до того захотелось увидеть смеющуюся Дарёнку.

Толкнул дверь и замер: кружится посреди комна-ты счастливая румяная девушка, пританцовывает в такт ка-кой-то одной ей слышной музыке...

Так вот ты какая на самом деле – Дарёнка! Отчего же увяла ты в последнее время, отчего грустны твои глаза, а голоса и вообще почти не слышно, не говоря уж про смех? По дому все дела делаешь, ловкая да пригожая, а все равно что-то не так...

Увидала Даша мужа... И погас огонек в ее глазах. За-мерла, смущенно опустила взгляд. Матвей вспыхнул и тут же отступил от двери, почти захлопнул ее за собой.

– Строгий он у тебя, что ли? – понимающе прошептала Верочка.

– Нет, не строгий.

– А чего ты тогда испугалась?

– Да не испугалась я...

– Ну конечно... – недоверчиво протянула подружка...

В один из дней возвращался Матвей от брата. Проезжая по краю недавно засаженного поля, он вдруг увидел впереди знакомую женскую фигурку. Кашлянул, вздохнул глубоко. Но что поделать – рано или поздно, а эта встреча все равно бы состоялась...

– Здравствуй.

– Здравствуй. – Елена Милютина довольно бодро шагала по обочине дороги. В руках ее была небольшая котомка.

– Далеко путь держишь? – поинтересовался Матвей. Это село было в двух верстах отсюда.

– К тетке.

Настасья Гугина, сестра матери Елены, жила на окраине его села.

– Садись, довезу.

Елена ломаться не стала, ловко запрыгнула на телегу. Долго ехали молча. Одному говорить не хотелось, другая томилась ожиданием – не первой же начинать? Но Матвей упорно молчал. Так и ехали до самого села.

– Что-то давненько вас в наших краях не видать, а, Матвей Игнатьич? Как жизнь-то молодая? – заговорила Елена, когда они уже почти подъехали к теткинскому дому.

– Нормально, – коротко ответил Матвей.

– Сказывают, что оженали вас?

Произнесла эти слова молодая женщина, да и осеклась. Из всех сил старалась голос свой удержать, молвила игриво-шутейным тоном, а сама так и замерла, не зная, что услышит в ответ.

Матвей молча шевельнул вожжами.

– Аль неправда это? – настаивала Милютина.

– Слышала же, чего спрашиваешь? – спокойно произнес Матвей, пожав широкими плечами.

– То-то я и гляжу – совсем заходить перестали.

Молодой мужчина молчал и даже не смотрел на нее. Вот и Настасьина изба. Он остановил лошадь.

– Ты меня прости, Елена... Сама ведь все понимаешь... Так что, если сможешь, не держи на меня зла... – проговорил Матвей тихо и спокойно.

Милютина спрыгнула на землю, гордо выпрямилась.

– Благодарствую, – улыбнулась широко и добро. Перехватила котомку поудобнее, и, зная наверняка, что их появление уже замечено соседями, поплыла лебедем. Обронила только, бросив лишь мимолетный взгляд (одними глазами, даже головы почти не повернув) на Матвея:

– Всего вам, Матвей Игнатьич. А зла я на вас и так не держу. Не за что. – И, едва сдержав голос, чтобы он не сорвался, не выдал ее, добавила почти с улыбкой: – Но вы, ежели что, заходите. Дорогу знаете...

– Прощевайте, Елена Ивановна, – он коротко глянул на женщину и тут же тронул поводья.

И не ведал Матвей Rogozin, что статная красавица прошла к теткинному дому, поднялась на крыльцо, а едва очутившись в прохладных сенях, припала всем телом к стене, да почти до крови закусила себе ладонь, чтобы сдержать звериный крик, рвущийся из высокой груди...

И не только соседи видели, как Матвей привез Милютину. Видела это и сама Даша. Волею судьбы оказалась она в доме напротив – свекровь отправила ее к своей дальней родственнице за какими-то семенами... Даша уже простилась с хозяевами и вышла на крыльцо. Тут-то и увидала она все как есть...

Замерло сердце, ухнуло и биться словно перестало... Так вот оно что! Вот почему он и косым на нее не глядит! Не зря, выходит, люди говорили, что у Матвея с этой вдовушкой любовь была. Но, видно, не была... Есть она, и до сих пор есть!

Дарёнка, не чуя под собой ног, вернулась домой. Муж вел себя, как ни в чем не бывало. А ей-то что делать, как себя вести? Была бы постарше или пошустрее на язык – скандал бы закатила... А Даша даже спросить у Матвея ничего не решилась...

В конце августа в село приехал молодой учитель. Ему выделили дом рядом со школой, и это событие на некоторое время было одной из основных тем для разговоров. Слышали об этом и у Рогозиных, тем более что и учительский дом, и сама школа находились не так далеко от их дома.

Как-то раз Даша шла по улице и услышала сзади быстрые шаги. Кто-то догонял ее. Даша обернулась.

– Здравствуйте! – Молодой высокий мужчина приветливо улыбнулся ей. Так вот он какой, новый учитель!

– Здравствуйте! – Дарёнка улыбнулась в ответ.

– Не подскажете, где здесь Уткины живут?

– А вам которые нужны? Их на этой улице две семьи – Ивана и Савелия.

Учитель заглянул в какие-то бумаги, что были в его руках.

– Мне нужна семья, где есть дети... Екатерина, Антонина и Кондрат.

– Тоня и Кондрат у Савелия Уткина. Они во-он в том доме

живут. – Даша указала на нужный дом. – А у Ивана Уткина Катя, Фрося и Степан.

– Ага, даже так? – Учитель еще раз заглянул в бумаги. – И сколько лет этим Фросе и Степану?

– Ой, а я точно не знаю... – смутилась Дарёнка.

– Ну примерно? Два, пять, десять, двадцать?

– Да нет, что вы! Какие двадцать? Девочка постарше, ей лет двенадцать. Степке поменьше...

– И где это семейство проживает? – улыбнулся учитель.

– А вот там оно проживает, – Даша тоже широко улыбнулась и махнула рукой на большой новый дом неподалеку.

– Спасибо.

– Да не за что.

– А то мне тут списки дали... Но я хочу сам проверить – все ли дети охвачены. Выходит, что не все. Или просто напутали... И, простите, вас как зовут? А то я пока еще мало кого знаю... – смущенно произнес учитель.

– Даша.

– А меня Василий Григорьевич.

– А я знаю, – проговорила Дарёнка, и тут же приснула, сама не зная почему.

С той поры нет-нет, да и стали пересекаться ее пути с молодым учителем. Да и не только ее одной... Все уже знали, что Василий Григорьевич прибыл из областной столицы, что он холост, и что ему двадцать пять лет. Лицом учитель был приятен, в обращении с людьми прост. Учеников он, правда, держал в строгости, но всегда был справедлив. Одним словом, вскоре на селе Василий Григорьевич стал человеком весьма уважаемым. Девушки смущенно поглядывали на него, в душе лелея мечту о том, что может быть какой-нибудь из них и выпадет счастье быть им замеченной.

Он не пытался ухаживать за кем-либо из них, всю душу, однако, вкладывая в свою работу, в сельских ребятишек.

А с Дашей Рогозиной, на правах старой знакомой, Василий Григорьевич порой разговаривал прямо на улице. Узнав о том, что девушка отучилась четыре года в школе, он предложил ей продолжить образование.

«Я, конечно, понимаю, что вы замужем, но почему бы и нет? Если хотите, я поговорю с вашим мужем. Поверьте, образование откроет вам большие перспективы! Может быть, вы и сами захотите потом стать учительницей, Даша! А почему нет? Нести свет знаний в народ – это же великое дело!»

Самое интересное, что Василий Григорьевич сумел создать класс для нескольких вот таких же как она девушек, даже ее подружка Верунька оказалась в числе его учениц.

Эти редкие беседы тем не менее не остались незамеченными Дашиной свекровью. Снохе она говорить ничего не стала, а вот сыну не стерпела и сделала как-то намек. Уж больно, мол, часто стали люди твою жену с учителем видеть.

Матвей, до сих пор ни на каплю не изменивший своего отношения к жене, только глянул строго. И, как это часто бывает, буквально через несколько дней и сам получил подтверждение материным словам.

Даша пошла на колодец за водой. И только собралась цеплять ведра на коромысло, как к ней подошел учитель. Поздоровался и решительно подхватил ведра.

Дарёнка попыталась его убедить, что прекрасно донесет

их и сама, но Василий Григорьевич был непреклонен.

– Даже и не думайте! Дурацкие это законы, поверьте! Женская работа, мужская... Мужчина всегда должен помогать женщине! Именно это я и ребятам своим говорю. А они вот тоже, как вы... девочки краснеют, а мальчишки недоверчиво хмыкают. Но уважительному отношению к женщине все равно надо учить, и учить с детства! Вы, кстати, Даша, подумали над моим предложением?

Ну, конечно, Даша думала! Как ей было не думать! Предложение-то скорее похоже на сказку! Надо ведь такое придумать – ей учиться! Она теперь мужняя жена – вот и весь сказ. Вспомнив про Матвея, Даша чуть вздохнула.

А тут и он сам вышел за ворота. Увидал жену. Заметил и учителя. Аж побледнел от изумления. Уйти бы прочь от такого позора, да ноги словно свинцом налились.

Дарёнка вспыхнула, как факел, даже слезы на глаза навернулись. Подошли они к Рогозинскому дому. Василий Григорьевич поздоровался с Матвеем. Тот сдержанно ответил.

– Матвей Игнатьич, можно я задам вам несколько вопросов? – учитель понимающе посмотрел на мужа и жену. – И

Дашу можно задержать?

– Можно, отчего же нельзя? Я, чай, не кусаюсь.

– Вы не подумайте ничего дурного, что я вашей супруге ведра поднес. Знаю, что не принято... Но я так воспитан. – Добавил он твердо. – Я хочу спросить вас, Матвей, не хотите ли вы пойти в школу?

– Так я грамотный, – удивился тот.

– Сколько классов?

– Два.

– И что умеете?

– Читать могу и писать, – Рогозин вдруг смутился и поглядел на жену.

– Понятно. А продолжить образование не хотите? Вы же совсем молодые, вам это обязательно в жизни пригодится! И вашей супруге я хочу это предложить. Вы, наверное, знаете, что я занимаюсь не только с детьми. Очень хочется охватить как можно больше молодежи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.